

16+

Андрей Скорпио

По ту сторону поля с высокой травой

Андрей Скорпио

**По ту сторону поля
с высокой травой**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Скорпио А.

По ту сторону поля с высокой травой / А. Скорпио — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Прошлым летом с Лиской случился несчастный случай в детском лагере. Год спустя она вместе с родителями переезжает из города в деревню. Там она знакомится с девочкой Леной. Но их дружбе препятствуют родители Лиски и тогда девочки решают дружить тайно. В то же время в доме творится что-то неладное. Слышны скрипы и шепот по ночам. Лиску мучают кошмары забытого прошлого. А однажды она видит в окне чей-то странный силуэт. Лена решает помочь новой подруге во всем разобраться. Но чем дальше они влезают в эту историю тем страшнее она становится. Прошрое как-то связано не только со странностями в самом доме, но и черной бездной, которая снится Лиске по ночам. Так что же произошло прошлым летом и почему родители Лиски так стараются скрыть все воспоминания о несчастном случае в детском лагере?

Пролог

Мальчик кричал. Его пальцы судорожно цеплялись за стенки, оставляя глубокие борозды. Земля с примесью глины была слишком мягкой, чтобы за нее можно было зацепиться. Она забивалась под ногти, падала на одежду, оставляя грязные разводы, смешивалась с дождем, создавая тошнотворный аромат.

– Помоги! Пожалуйста! Я больше не буду! – по побелевшему лицу пленника катились грязные дорожки слез.

Чудовище хохотало. От его смеха и звериного оскала, совсем не похожего на улыбку, внутри мальчика все похолодело, и он снова скатился на дно.

Ступни тут же погрузились в глину. С чавкающим звуком мальчик освободил ноги и прислонился спиной к стене, стараясь снова не угодить в ловушку.

– Ты похож на лягушонка, – издевался монстр, – помнишь сказку, где лягушонок взбивал молоко?

– Прости меня, пожалуйста! Я умоляю!

От страха и холода тело скрутило в баранку. Предательское чувство отчаяния понукало смириться с неизбежным.

– Люблю, когда меня умоляют.

Сверху опустился канат. Мальчик не веря своим глазам вцепился в него, словно утопающий за соломинку. Собрав остатки сил, он шумно дыша полез наверх. Ноги скользили, пальцы жутко ныли и болели. Но он упорно лез, пока голова не показалась над поверхностью ямы.

Спасен! Неужели спасен!

Удар по голове был настолько неожиданным, что на лице на секунду застыло удивление.

Пальцы разжались, и спасительная свобода с уханьем унеслась вверх. А затем пришла боль. настолько сильная, что мальчик несколько минут мог только тяжело дышать, широко открыв рот.

– Лягушонок со сломанной лапкой!

Тело пронзили сотни электрических иголок. Было гораздо хуже, чем в прошлый раз в кабинете стоматолога, когда бормашина задела нерв.

Чудовище сверху хохотало. Потом замолчало. Сквозь шум дождя раздался звук волочения. С края свесился толстый шланг, похожий на большую сдувшуюся змею.

– А умеет ли лягушонок плавать?

«Змея» напряглась, стала раздуваться и вдруг забилась в конвульсиях, исторгая из себя потоки грязной, отдающей тиной воды. Мальчик не успел прикрыть голову, как вода ударила в лицо, проникая в рот, уши, заливаясь за шиворот. Мальчик задыхался. Он даже не заметил, как его тело стало медленно погружаться в глину.

Глава 1

Желтые в крапинку листья, облепили узкую дорогу. Надвигалась непогода. Холодный ветер нагнал темные тучи, которые скрыли солнце и превратили день в вечер. Одинокая ворона заметила ярко-желтый свет фар и вспорхнула на дерево. Нахохлилась и злобно закаркала вслед незваным гостям.

Автомобиль притормозил около ржавых ворот. Передняя дверь распахнулась и показался человек со взъерошенными черными волосами с проседью. Ветер раздувал полы его пальто, заставляя застегнуть верхнюю пуговицу. Человек вытащил связку ключей и принялся судорожно перебирать тонкими пальцами.

– Игорь, тебе помочь?

Не дождавшись ответа, из автомобиля вышла белокурая женщина в ярко-голубой, не по погоде легкой, куртке. Поежилась и накинула капюшон.

– Давай помогу?

– Дурацкий замок, – Игорь танцевал возле ворот, с каждой секундой злясь все сильнее, – чертова погода!

Наконец, раздался долгожданный щелчок, и ржавая дужка нехотя поднялась вверх.

– Лиска, выходи.

Из теплого салона вышла щуплая девочка лет десяти с бледными жидкими волосами. Она вытащила объемную розовую сумку и пыхтя потащила за собой.

– Сколько раз я говорила, не вози по земле!

– Да, мама, – Лиска позволила отнять сумку и, засунув руки в карманы, зашагала следом за родителями.

Про переезд в фамильный загородный дом речь шла давно. Чистый свежий воздух, речка и лес поблизости, добрые соседи. Что еще нужно подрастающей девочке на домашнем обучении у которой нет друзей? На деле же все оказалось не так радужно. Дом был двухэтажным деревянным убожеством с покосившейся крышей. Словно поверженное мифическое чудовище, он затаился, поглядывая на гостей через мутные окна и прогнившие провалы на крыше и стенах. Деревянные доски пола чудовищно скрипели, готовые вот-вот обвалиться. В углах потолка нашли пристанища толстые ленивые пауки. На пыльных подоконниках валялись засохшие трупы мух и ос.

– Немного уборки и будет как новенький, – сказала мама, выдавливая улыбку.

Игорь отвернулся. Он созерцал покрытые разводами выцветшие обои. От дочери не укрылось выражение брезгливости на лице отца.

– Доча, поднимайся наверх и выбирай комнату. Да оставь ты сумку, я потом принесу.

– Да, мама, я только возьму Вику.

Лиска вытащила куклу со светлыми торчащими во все стороны лохмами, как у пуделя. Один рукав от платья был порван, второй еле держался. Лиска расстегнула куртку и очень осторожно прижала куклу к груди.

Второй этаж оказался хуже первого. Помимо знакомой затхлости, подгнивших скрипучих досок и облезлых обоев, тут витал сильный запах сырости, перемешанный с застарелой гарью. Разводы на потолке переходили в зеленоватый грибок по углам. Обе верхние комнаты казались такими древними, словно в них не заходили лет сто. Тут царил какая-то своя особенная атмосфера прошедшего времени, нарушать которую совсем не хотелось.

Лиска все же осмотрела комнаты и выбрала ту, окна которой выходили на речку. Несмотря на слой пыли на стекле, была видна дальняя сторона, за пределами деревни, самодельный мост через реку и лес. Деревья возле воды мерно покачивались, будто общались между собой. Ветер доносил шелест листьев в кронах. Сквозь трещину в стекле тянуло холодом.

– Чудесно, – сказала Лиска и посадила куклу на подоконник, – нам просто повезло.

– Зачем мы сюда приехали? – спросила Лиска сама у себя, словно интересовалась от имени Вики.

– Чтобы мы дружно и хорошо жили...

Лиска вздохнула, вспоминая маленькую шумную квартирку на втором этаже с окнами во двор. Вечно пьяные крики по ночам, запах кислых щей из соседней коммуналки и грязный воздух, который доводил маму до жутких приступов кашля.

Там Лиска еще пыталась доказать себе, что она такая же как все. Что слабое здоровье и домашнее обучение не помеха найти друзей. Но сейчас... вдали от городской жизни в старом скрипучем доме Лиска как никогда ощутила себя изгоем.

Вика молчала и улыбалась.

Лиска бросила последний взгляд в окно и чуть не ойкнула от удивления. На участке за домом возле канавы бродила странная фигура.

Родители, занятые наведением порядка в комнатах, не заметили, как дочь тихо выскользнула за дверь. Любопытство в крови у каждого ребенка и Лиска не была исключением. Она обогнула дом и подкралась к большому камню, окруженному высокими колючими кустами.

– Эй! – окликнула Лиска и подняла с земли отсыревшую палку.

Фигура обернулась. Из-под выцветшего грязно-розового капюшона потрепанной курточки на Лиску с тревогой смотрели серые глаза.

– Ты кто такая?

– А ты?

– Я первая спросила, – Лиска нерешительно покачала в воздухе палкой.

– Лена, – гостя отступила на шаг, косясь на палку.

Она стянула капюшон. Длинные нечесанные светлые волосы упали на плечи. Бледное лицо вытянулось, заострилось, походя на мышинное. Лена напоминала зажатого зашуганного зверька. Она казалась не старше Лиски.

– Прости, я не знала, что тут кто-то живет, – голос ее тоже был тихий, едва живой.

– Мы только приехали, – сказала Лиска и поколебавшись, все-таки бросила палку на землю, – из города. Меня зовут Лиска. Ты давно в деревне?

– Несколько лет.

– И как тут... живется? – Лиска постаралась придать голосу беззаботность.

– Тоскливо, – улыбнулась Лена и поежилась от налетевшего ветра. Накрапывал мелкий дождь, оставляя на куртке мокрые следы, напоминающие иголочки, – летом еще ничего, а осенью и зимой так себе. Холодно и темно.

– Ясно.

Лиска едва удержалась от тяжелого вздоха. Все-таки в городе хотя бы был телевизор, да и старенькая соседка, иногда приглашавшая на чай и конфеты. А тут? Эх...

– Вы теперь будете постоянно тут жить?

– А что?

– Ничего, просто..., – Лена помолчала немного, словно раздумывая стоит ли продолжать, – я прихожу сюда, когда мне грустно.

– К камню?

– Да. Заберись на него.

Лиска недоверчиво посмотрела на Лену, затем все-таки подошла ближе и вскарабкалась на холодный булыжник.

– Смотри на речку.

Лиска послушно застыла. Прошло минуты две, прежде чем она сказала:

– Ничего не вижу. Лес, река и деревья.

Лена осторожно вскарабкалась следом и указала рукой на дальнюю часть реки, где берега были не такими заросшими.

– Представь на минутку, что ветер специально гоняет рябь по воде. Он хочет успокоить русалок. Они наблюдают за водой со дна и мечтают. А вон там деревья как один кланяются водяному. Он сегодня не в духе. Видишь, чуть левее из воды торчит коряга? На самом деле, это леший удит рыбу, поэтому то водяной и недоволен.

Лиска со смешанным чувством тревоги и недоверия посмотрела на новую знакомую. У Лены на лице застыло мечтательное выражение, она закрыла глаза и улыбалась.

– Ты ненормальная? – догадалась Лиска.

Лена поморщилась, словно съела кислую ягоду.

– Неужели ты не читала русских сказок? Не знаешь кто такие домовые или русалки?

– Конечно, я знаю, – разозлилась Лиска и прыгнула вниз, – просто это сказки.

– Сказки, – согласилась Лена и прыгнула следом, – но если дать волю воображению, представить на минутку, как леший выходит из леса или кикимора хохочет по ночам...

– Зачем?! Лучше бы поиграла во что-нибудь или погуляла с друзьями.
– У меня нет друзей, – Лена отвернулась, – поэтому я прихожу сюда, чтобы меньше грустить.

Лиска почувствовала укол совести.

– Я не знала, извини. Знаешь, я ведь только приехала, получается и у меня тут нет друзей.

– Можно я буду приходить иногда? – попросила Лена.

Она смотрела с такой надеждой, что у Лиски язык не повернулся возразить.

– Конечно.

– Спасибо, – просияла Лена, – мне уже пора. Тогда до завтра?

– Пока.

Лена скрылась через щель в заборе соседнего участка и прошелестела сквозь высокую траву.

– Странная какая-то – сказала Лиска, поглаживая Вику по голове. Кукла многозначно промолчала, по-прежнему улыбаясь, – лешие, русалки...

– Лиска, – раздался крик мамы, – ты на улице? Кушать пора.

– Тебе нравится?

Лиска неопределенно пожала плечами, размазывая по тарелке пюре.

– Летом можно купаться в реке, – щебетала мама нарочито мечтательно причмокивая губами, – а еще лес. Нет, точно пойду за грибами в следующем году!

– Угу, – проглотить удалось с трудом. Мама как всегда экономила на соли, щедро посыпая гарниры перцем и кари.

– Чего «угу»? Нравится или нет?

Долгая дорога и холод раздражали Игоря. Еще ему до тошноты не нравилась холодная еда. Печку затопить не удалось – что-то забило дымоход и проблему отложили до завтра. Пришлось питаться взятой из города едой запивая чаем из термоса.

– Я не знаю, – честно ответила Лиска, – тут не так как дома. Нет телевизора и холодно.

– Зато тут можно гулять и много читать, – попыталась приободрить ее мама.

– А когда мы поедем обратно?

– Никогда, – буркнул отец, – теперь мы будем жить тут.

Жена укоризненно на него посмотрела и покачала головой. Мол, нельзя быть таким резким.

Лиска сникла и уткнулась в тарелку.

– Доча, – Игорь отодвинул второе и поднял руку, прерывая жену, – Софа, позволь я скажу. Так вот, Лиска, я хочу, чтобы ты поняла. Мы переехали сюда надолго, может навсегда. Постарайся найти плюсы для себя и со временем поймешь, что тут лучше, чем в городе.

– Тут сыро, холодно и воняет тухлятиной, – не выдержала Лиска.

– Значит, нам есть к чему стремиться, – парировал отец, – завтра разберусь с печкой и будет тепло, а вы с матерью потихоньку наведете порядок. Нам всем нужно привыкнуть к новому. Мы переехали сюда ради тебя, надеюсь, ты понимаешь? Теперь это наш дом и точка. Давай больше не будем спорить?

Лиска покорно кивнула и завозила ложкой по пюре. О новой знакомой Лиска решила рассказать позже. Она как смогла доела, помогла убрать со стола и поднялась наверх.

Софья успела всем постелить кровати. Быстро темнело, ветер нагнал новые тучи и дождь танцевал на окнах под грустную мелодию осени. У бра над кроватью отсутствовала лампочка. Впрочем, электричества все равно не было – эту проблему Игорь тоже оставил на завтра.

Лиска сняла верхнюю одежду, оставшись в спортивном костюме и уселась на кровать, расчесывая Вике волосы.

– Наш дом и точка...вечно эти взрослые все по-своему решают. А как же я? Как же мы с тобой?

Вика молча улыбалась.

– Уж лучше сидеть в теплой квартире, чем мерзнуть где попало.

Лиска подышала на ладони сперва себе, потом кукле. На улице усилился ветер и сквозь подрагивающее окно еще сильнее потянуло холодом.

– Дурацкий старый дом. Думаешь, у нас в комнате есть пауки? – от подобной мысли Лиска вскочила и прищурилась, пытаясь разглядеть по углам и на потолке восьминогих тварей. На миг показалось, что кто-то шевелится, но это был всего лишь старый целлофановый пакет раздувающийся из-за сквозняка.

Лиска поежилась, легла и накрылась одеялом. Стало теплее. Она прижала Вику к груди и подумала о Лене и ее фантазиях. Вдруг тут и правда водится леший или кикимора? Лиска закрыла глаза и усмехнулась своим мыслям. Ну да, конечно. А еще существует дед Мороз и зубная фея.

Спать не хотелось, и Лиска мысленно перенеслась в квартирку к соседке, с которой пила чай, когда убегала из дома. Отец в последнее время часто злился. Они с мамой спорили и ругались. Лиска ненавидела скандалы, она хотела накричать на родителей, помирить их, но каждый раз боялась, чувствуя себя лишней. Она мечтала оказаться где-то далеко, рядом с тем, с кем могла поделиться своими мыслями.

После того, что произошло прошлым летом, ее забрали на домашнее обучение. Пускай это лишний раз подчеркивало, что она не такая как все, все же Лиске повезло больше не встречаться с Серым и его друзьями.

Лиска поежилась. Воспоминания больно жгли душу, возвращая, пусть на миг, в то время, когда бедняга постоянно оглядывалась, боясь попасться на глаза хулиганам. Как она в страхе бежала и как ее догоняли...

Давняя обида подняла голову где-то глубоко внутри. Лиска постаралась переключиться на завтрашний день. Отец прав, надо искать плюсы. Обойти окрестности, найти себе занятие...

Мерный шум деревьев за окном успокаивал и Лиска сама не поняла, как погрузилась в сон.

Она бежала. Улепетывала со всех ног, проносясь между деревьями, запрыгивая на поребрик и не обращая внимания на недовольный окрик случайных прохожих. Со стороны казалось, что маленькая девочка с огромным выцветшим бледно-розовым рюкзаком опаздывает на занятия. А может, просто бежит поддавшись тому теплему весеннему настроению, которое дарит долгожданная мартовская оттепель.

К сожалению, девочку подгоняла паника. Страх оказаться беспомощной и жалкой, измазанной в грязи, с порванной одеждой. Страх чувствовать осуждающие взгляды родителей и выслушивать нотации. Страх быть наказанной.

– Вон она, лови!

Мальчишеский окрик заставил оступиться. Едва удержавшись на ногах, она метнулась через школьную площадку во двор, надеясь выбраться на проспект и смешаться с толпой. Там то они ее не тронут. Надо только успеть добежать.

Сзади слышался топот ног. Он быстро приближался.

Сердце бешено колотилось, в боку кололо и дико не хватало воздуха, но она упрямо бежала, видя впереди спасительную арку двора.

Он выскочил неожиданно. Самый рослый и противный из всех. Выскочил и поставил подножку. Она с разбегу споткнулась и растянулась на земле. Было очень больно и обидно. Слезы помимо воли выступили на щеках.

– Какая приткая, – сказал один из догонявших, поравнявшись с жертвой.

– Ща мы ей прыти поубавим, – с вызовом сказал главный и рывком поднял беднягу на ноги.

Портфель съехал на бок.

– Корова и плакса! – заявил самый младший из компании.

– Что, уродка, добежалась? Фу, от тебя воняет чем-то, – главный демонстративно скорчил физиономию.

Девочка с трудом сдерживалась, чтобы не зарыдать в голос. Мама каждый день прискакала своими духами, когда провожала до дверей. Запах был тяжелый, совсем не подходящий на цветы. Но она терпела, потому что любила маму.

Девочка попыталась отряхнуться, чем вызвала новую порцию смеха. Они не любили ее. За то, что она новенькая. За то, что слишком скромная. За то, что не так пахла и немного шепелявила. За то, что у нее не было друзей. За ее слабость. Но больше всего ненавидели потому, что могли ненавидеть. Иногда для этого не нужна никакая причина.

Прохожих не было. Звонок уже прозвенел и согнал всех гуляющих в классы. Оставался двор, девочка и ее мучители. Не торопясь, главный из троицы вальяжно зашел ей за спину и вдруг резко толкнул. Она снова упала на колени. Новая порция боли вызвала новые слезы. Ранки саднили, проступили капельки крови.

– Что нюни распустила, тварь дебильная?

– Отштыньте, – всхлипнула она.

– Отштыньте, – передразнил главный и загоготал.

Он вдруг перестал ржать и расплылся в улыбке.

– А знаешь, что? У меня есть идея. Скажи – я маленькая тупая мышка. И я тебя отпущу.

– Правда? – с надеждой спросила девочка.

– Эй! – возмутились друзья.

– Цыц, кретины.

Он отошел в сторонку к мусорному бачку и незаметно достал лежащую сверху кожуру от банана.

– Говори!

– Я... – обида встала горячим комком в горле, – я маленькая ту... тупая мышка...

– Громче!

– Я... – что-то шлепнулось на голову, – а-а-а!

Все трое покатались со смеху. Девочка сбросила с себя кожуру и задрожала.

– Слушайте, парни, а что если искупать ее в помойке?

– Нет! Нет, пожалуйста не надо!

От лица отлила кровь. Девочка словно рыба, выброшенная на берег, открывала и закрывала рот.

– Еще как надо, – главный потер ладошки и шагнул вперед.

Лиска открыла глаза. Над ней нависал низкий потолок, на котором в диком танце двигались тени деревьев, сплетаясь в немыслимые узоры. С окна по-прежнему тянуло холодом. Лиска поежилась, натянув одеяло до кончика носа. Налетел очередной порыв ветра, стекла задребезжали. Из-за туч показалась пышнотелая луна, осветив, покрытый мелким противным дождем, деревянный подоконник.

Лиска нехотя встала и подошла к окну. Сырость превратила дом в хижину на болоте. Не хватало только квакающих лягушек, да кружащихся комаров. Девочка закрыла окно и собиралась уже вернуться к Вике, мирно почивающей на подушке, как вдруг ойкнула и замерла. Она закрыла окно, но она его... НЕ открывала!

Лиска задумалась на минуту. Ну, конечно, наверняка перед сном зашла мама и...

– Которая сама боится сквозняков, – подсказал внутренний голос.

Лиска нахмурилась. В городе мама всегда осенью заклеивала окна. Малейший сквозняк приводил к аллергии. Странно, что она вдруг решила оставить дочери на ночь свежий воздух.

Лиска хотела махнуть рукой и снова улечься, как раздался тихий скрип. Он прозвучал совсем рядом, то ли из коридора, то ли сверху. Лиска прислушалась. Скрип повторился. На этот раз гораздо отчетливее.

– Дом старый, вот и скрипит, – сказал внутренний голос, но как-то не слишком убедительно.

Дом то и правда старый, вот только скрип больше напоминал шаги.

– Мама? – негромко позвала Лиска и прислушалась. Тишина. Скрип. Прошелестел чей-то тихий шепот, – Мама, это ты?

Лиска подошла к двери. Поколебалась немного, вернулась, схватила Вику и снова подошла. Рывком потянула на себя ручку. Ничего. Пустой темный коридор. Пальцы нашарили выключатель, но естественно света не было.

Скрип снова повторился. Лиска с уверенностью могла сказать, что он шел из соседней комнаты. Скрипели половицы. Скрип. Тишина. Скрип. Шепот. Из-под двери тянуло холодом. Лиска сжала куклу крепче и сделала шаг.

– Дом старый, вот и скрипит, – твердил внутренний голос, – помнишь, ты испугалась картин в музее? Тебе казалось, что все они смотрят на тебя. Ты уже взрослая, и у тебя разыгралось воображение. Просто старый дом.

Но как не пыталась, Лиска не могла себя успокоить. Что-то тревожное разрасталось в животе и поднималось выше. Сердце стучало сильнее, отдаваясь в голове маленьким молоточком. Тук-тук-тук.

С первого этажа раздался храп. Ночью в тишине он казался чем-то вроде дребезжащего мотоцикла. Храп имел две тональности, значит родители точно спали. Но тогда кто же бродил в соседней комнате?

– Мыши или крысы, – подсказал голос, – наверняка укрылись от дождя.

– Мыши не шепчут, – возразила Лиска.

Она переминалась с ноги на ногу не решаясь войти внутрь. Но и возвращаться, не выяснив ничего до конца не хотелось.

– Ш-п-ш-п-ш-ш-ш...

Скрип раздался гораздо сильнее.

Лиска дрожащей рукой взялась за ручку. На миг показалось, что ручка очень теплая, даже горячая. Затем выдохнув, Лиска резко открыла дверь.

Никого.

В комнате витал сильный аромат сырости, с оттенками гари. Обои на стенах порвались, кое-где просвечивали голые подгнившие доски. Старая мебель, покрытая тряпками давно просилась на помойку. Через небольшое открытое окошко пыталась светить луна. Остатки занавесок колыхались от ветра.

– Просто сквозняк, – твердил внутренний голос, – закрой окно и иди спать.

Лиска подошла и уже протянула руку к окну, как позади раздался особенно громкий скрип. Девочка взвизгнула и обернулась. Никого.

Область справа на стене оказалась гораздо темнее. Словно тени переплелись между собой, вызывая иллюзию живого существа. Лиска сглотнула. Вдруг тучи разошлись и яркие серебристые лучи хорошо осветили комнату.

На грязно-сером рисунке обоев отчетливо разрасталось пятно. Как будто кто-то пролил чернила.

Лиска невольно пригляделась, пытаясь понять, что вырисовывалось в лунном свете. Линии удлинялись, пятно росло вширь. Оно напоминало отпечаток лапки лягушонка. Нет, теперь уже не лягушонка. Это был отпечаток...

Хлоп. Окно с резким стуком закрылось.

А-а-а, – вскрикнула Лиска и опрометью бросилась прочь.

– Ш-п-ш-п-ш-ш-ш, – неслоь следом.

Лиска влетела в свою комнату, закрыла дверь и нырнула под одеяло, прижав к себе Вику. Казалось, тени обступили ее, они что-то шептали, скреблись, скрипели. Нескончаемый водоворот видений исчез также быстро, как начался. Прележав еще немного, Лиска рискнула высунуть голову.

За окном по-прежнему шумел ветер, мелкий дождь моросил, оставляя следы на стеклах, а пузатая луна то и дело выглядывала вырисовывая на потолке чудные узоры.

Узоры, отдаленно напоминающие то последнее, что заметила Лиска, выбегая из смежной комнаты. Увидела и, кажется, запомнила на всю жизнь. Чудное пятно, проступающее на порванных обоях странным образом походило на отпечаток... маленькой ладошки.

Глава 2

Кто-то долго и упорно стучал в дверь.

– Сколько можно спать? Солнце давно встало, а ты все валяешься.

Мамин голос звучал совсем рядом.

–А? – Лиска с трудом разлепила глаза и широко зевнула. Уснуть удалось только под утро, и тяжелая голова никак не хотела подниматься.

– Неприлично так делать, не варежку же раскрываешь. Вставай, еда готова, потом немного погуляем и посмотрим окрестности.

– Я... да... встаю.

Шаги стали удаляться и застучали по лестнице вниз. Лиску слегка покачивало. Движения казались слишком медленными, будто она плыла под водой. Она заправила кровать и вышла в коридор. Взгляд тут же упал на ручку двери в соседнюю комнату. Полузабытый кошмар на секунду ярко моргнул в голове. Лиска с тревогой сжала Вику и прислушалась. Затем осторожно коснулась ручки. Никакого тепла, обычное дерево. Тогда она распахнула дверь.

Комната выглядела такой же заброшенной, как и вчера. Две кровати с тряпьем, выцветшие ободранные обои, закрытое окно. И целое море пыли. На полу, на стенах, на потолке. В воздухе витал запах сырости и гниения, как пахнут отсыревшие доски в давно покинутом доме. Никакого шепота, никаких скрипов. Только едва уловимая гарь.

Был ли кошмар на самом деле или это всего лишь страшный сон? Отпечаток на стене, шаги, чье-то присутствие. Лиске вдруг стало смешно от собственных страхов. Она подошла к стене. Естественно никакого пятна не было и в помине. Она приложила руку. Сквозь тонкую бумагу проступало шершавое дерево.

– Лиска! – позвали снизу.

Лиска оглядела комнату в последний раз и вышла, плотно закрыв дверь.

Внизу на столе стояла тарелка с очищенными яйцами, нарезанный батон и остатки холодного чая из термоса.

– Иди умойся, – велела Софья, протянув стаканчик с щеткой и пастой, мыло и початую бутылку воды.

Лиска обошла дом и привела себя в порядок. День обещал быть солнечным и теплым, даже несмотря на ветер, игравший в верхушках деревьев. Большой камень напомнил о новой знакомой и Лиска дала себе обещание поговорить с родителями о Лене. Если не за завтраком, так за обедом точно.

– Покажи руки, – Софья отняла ваннные принадлежности и произвела досмотр. Наконец, удовлетворилась и допустила к столу.

– Сегодня попробую разобраться с электричеством и газом, – пообещал отец пережевывая яйцо, – и с печкой поколдую. Надоело питаться как из холодильника.

– Я же не виновата, что термос старый и недолго держит тепло.

– Если бы мы выехали пораньше, то возможно, я бы успел еще вчера включить свет.

– Если бы твоя тетка не отвлекала нас разговорами да советами, – парировала мама, – то мы бы...

– Если бы не моя тетка, мы имели все шансы провести последнюю неделю на улице, – перебил отец и сурово посмотрел на Софью. Его голос стал более жесткий. Лиска тут же вспомнила учителя физкультуры из школы – бывшего военного, который четко, громко и резко раздавал приказы. Иногда он напоминал большую лающую собаку.

– Если бы ты разобрался с делами на работе быстрее, то мы...

Лиска постаралась превратиться в невидимку. Ссоры в последнее время случались слишком часто. Отец раздражался по каждому поводу, а мама не всегда могла это вытерпеть, хоть и старалась держаться до последнего.

Когда спор почти перешел в скандал, Лиска рискнула спросить:

– Кто как спал ночью? Я вот плохо.

– Лиска, некрасиво влезать в разговор, – тут же сказал отец.

– Что тебе помешало? – мама с радостью ухватилась за новую тему, – комары или ветер?

– Нет. Наш дом, – она немного помялась и осторожно добавила шепотом, – он скрипел, будто кто ходил рядом.

– Вздор, – сказал отец и даже скорчил недовольную гримасу, – доски могли скрипеть от ветра. У тебя слишком буйное воображение.

Лиска не стала возражать.

– А кто тут жил раньше?

– Сперва мои бабушка с дедушкой, – ответила мама, – потом родители и я в детстве.

– А тут был пожар?

– Пожар? – удивилась мама, – не знаю, вроде нет, а почему ты спрашиваешь?

– Мне кажется, в соседней комнате что-то сгорело.

Софья задумалась, чуть выпятив вперед губы. Лиске нравилось подобное выражение, оно напоминало мордочку зверька из мультфильма.

– Нет. По крайней мере я такого не помню. Как разложим вещи, можем посмотреть документы вдруг там что-то сохранилось?

– Делать вам нечего, – буркнул Игорь и поднялся из-за стола, – а где мои инструменты?

– В багажнике.

– Точно.

Он вышел, а мама убрала посуду, и обтерла тарелки полотенцем.

– Ну что, дорогая, пойдём прогуляемся?

Извилистая дорога выглядела ужасно. Вся в ямах и колдобинах, словно пережила многодневную бомбежку. Идти было тяжело, но Лиска наслаждалась прогулкой. Нечасто ей удавалось пройтись вместе с мамой. Просто поговорить о ерунде, подышать чистым воздухом, погреться в лучах солнца. Почувствовать родственное тепло, которого порой сильно не хватало. В городе мама все время работала. Вечером готовила ужин, следила за хозяйством. Лиска почти всегда видела ее бледной с синяками под глазами и вечно уставшей. Она редко улыбалась, замыкалась после очередной ссоры с Игорем и уделяла слишком мало внимания дочери. Лиске всегда казалось странным, что даже будучи правой, мама всегда оправдывала перед ней поведение отца. Обычно после этого отсылала дочь делать уроки, которые никто не проверял. Лиска с первого класса училась сама.

Изредка, во время майских праздников они выбирались на демонстрации, а потом шли в парк и покупали мороженое. Вдвоем. Без отца и его вечного недовольства. Может, теперь они станут чаще бывать вместе? Лиске очень хотелось рассказать о своих воспоминаниях о городе. Сказать, что она честно пытается видеть плюсы в новой деревенской жизни, чтобы порадовать

маму. Но Лиска с раннего детства очень редко давала волю сильным эмоциям. Будто чей-то неприятный голосок нашептывал, что лишняя радость никому не нужна, тем более родителям. Им просто не интересно.

– Тут не так плохо, – произнесла мама, осторожно перешагивая ямы, – дорога почти не изменилась. Я часто сюда приезжала, когда была маленькая.

– Ты дружила с соседями?

– Да, – Софья улыбнулась, погружаясь в прошлое, – мы с деревенскими девчонками излазили, наверное, все потайные местечки. Раньше тут было многолюдно. Мы ходили в гости, собирались за столом, пели песни. А потом старики уходили, а их дачи стали ветшать и гнить.

– Наш дом тоже?

– Да. Смотри, – Софья указала на заросли деревьев слева, – там стояли три дома, один просто забросили, в другой иногда приезжают летом, а последний вроде продали, да только новые хозяева так ни разу и не появились. С правой стороны, чуть дальше от нашего участка, тоже кто-то жил. Вот и получается, что мы теперь вроде как на отшибе. Дорога ведет к полю, а за ним остальная часть деревни.

Они повернули за угол и впереди забрезжило покрытое высокой пожелтевшей травой поле. Оно сразу не понравилось Лиске. Было в нем что-то чужое, неприятное. Слишком высокая трава, в которой легко потеряться, медленно колыхалась. Чем дальше Лиска вглядывалась в стройные ряды высохших стебельков, тем больше ей казалось, что там кто-то есть. Кто-то большой. Наваждение длилось недолго. Налетевший ветер принес запах сырости и травяного перегноя. Лиска невольно поежилась и ускорила шаг.

Дорога разветвлялась, одна часть уходила к полю, другая вниз к реке.

– Там коров и коз выгуливали, – мама указала на заросший берег, – раньше мостики были, а теперь все заросло. Ох, помню, какую огромную рыбу доставали мужики...

Софья мечтательно вздохнула, словно вновь оказалась в детстве и скакала по согретой солнцем земле.

– Мам, а ты не скучаешь по городу?

Она вынырнула из грез и посмотрела на дочь.

– Немного. Там одна жизнь, тут другая.

– Папе не очень нравится, – заметила Лиска и тут же испуганно добавила, – только ему не говори. Он будет ругаться. Он все время ругается.

– У нас всех непростой период, – Софья дружески потрепала дочь по голове, – а у твоего отца особенно. Подожди немного, все утрясётся.

– Все из-за меня.

– Прекрати, – она опустила на колени перед Лиской, чем несказанно ее удивила, и положила руки ей на плечи, – ты тут совершенно не при чем.

– Но ведь врач сказал... я слышала... а я даже не помню почему, – Лиска угрюмо уставилась в землю, обнимая Вику.

– Не оглядывайся на прошлое и не думай о плохом. Мы здесь ради тебя. Не из-за, а ради. Чувствуешь разницу?

– Но папа...

– Он на все пойдет ради тебя. Он хороший человек. Все эти перемены... их трудно принять. Нужно время. Вместе мы справимся.

Мама говорила так убедительно и тепло, что груз вины стал медленно растворяться.

– И все-таки я не такая как все.

– Ты – лучше всех! А кто у нас такая хорошая? А? Кто у нас такая красивая?

– Мама перестань, – засмеялась Лиска, – мне же не пять лет.

Настроение поднялось. Они больше не возвращались к теме переезда. Болтали о погоде, о тех, кто еще остался в деревне, о том, что благодаря колодцу можно не думать о чистой воде.

– Расскажи мне о доме, – попросила Лиска.

– Дом как дом. Построили его родители твоей бабушки. Специально утеплили на зиму. Жили не тужили, потом передали хозяйство по наследству. Там, где сейчас канава, позади дома жила скотина. Потом ее продали и расчистили место под грядки. В моем детстве тут выращивали много цветов и овощей. А потом все как-то разом переселились в город. Бабушке с дедом было трудно сюда добраться, а мои родители никогда не увлекались огородом. Вот и бросили хозяйство на двадцать лет. Немудрено, что дом требует ремонта.

– Ты уверена, что на верхнем этаже никогда не было пожара?

– Я точно такого не помню. Тебе не могло присниться? Может, ты перепутала с сыростью?

– Нет, – сказала Лиска, задумчиво поглаживая Вику по голове, – а в доме никто... ну...

– Не умирал? Насколько я знаю, нет.

Лиска кивнула. Ее так и подмывало рассказать о ночном кошмаре. Но, вдруг мама расскажет отцу? Тот мигом разозлится. Скажет, что снов бояться только совсем маленькие дети. Что пора повзрослеть.

Или еще хуже. Они решат снова пичкать пилюлями. Лиска вспомнила, как за два месяца до переезда глотала по несколько таблеток в день. Как потом ее тошнило, скручивая в бараний рог.

– Тебе не холодно?

– Немного, – соврала Лиска.

– Пойдем обратно, пока тебя не продуло.

Когда они вернулись, Игорь ковырялся в проводах стоя на хлипкой табуретке. Лиске показалось забавным выбить табуретку. Наверняка отец будет сильно кричать, когда грохнется. Например, если сломает ногу... или шею... Мысль тут же улетучилась. Лиска заморгала, сбрасывая наваждение. Она не понимала, откуда ей в голову вообще пришла такая дикая идея.

– Давай, начнем с коробок у стены, – Софья указала на угол, – говори мне, что внутри, а я подготовлю место в шкафу. Потом мы все разложим.

Следующие несколько часов они наводили порядок: выкидывали лишнее, распаковывали и сортировали, ставили на полки и прятали в ящики. Казалось, пожитков было не много – от многого уже избавились – однако, коробки пустели медленно, а гора мусора грозила вырасти до потолка.

В старых шкафах и ящиках хранился всевозможный хлам: отсыревшие книги без переплетов, желтые газеты, ржавые вилки и ложки. За треснутым сервизом даже нашелся высохший мышинный трупик. В воздух взвились миллион древних затхлых пылинок, разбуженных уборкой, напоминая аромат давно прошедшего времени. Лиска вспомнила, как была в гостях у бабушки и когда вешала куртку, то из шкафа несло почти таким же запахом, вперемешку с нафталином.

Когда большую часть вещей разобрали, Игорь, наконец, закончил чинить проводку и присоединился к уборке. Лиску отправили выкинуть мусор на помойку за канавой.

– Оставь свою дурацкую куклу, – ворчал отец, швыряя в освободившуюся коробку чашки без ручек, – чем быстрее закончим, тем быстрее сядем ужинать.

– Правда, Лиска, положи Вику, – вторила мама.

Лиска нехотя отнесла куклу наверх и тут же ощутила какую-то внутреннюю пустоту. С Викой они не расставались ни на минуту с тех пор, как началось лечение. Кукла хоть и была просто куклой, но будто понимала, как тяжело ее юной хозяйке и пыталась всячески подбодрить ее нарисованной улыбкой.

Идти через траву было очень неудобно. Тяжелый мешок с мусором оттягивал руки, а хлипкий мостик – перекинутая длинная доска – шатался и готов был вот-вот обвалиться.

Почти дойдя до конца, Лиска споткнулась, каким-то чудом удержавшись на доске. Нога соскользнула и по щиколотку опустилась в болотную смердящую жижу.

– Неумеха! – отозвался внутренний голос, – даже мусор вынести не можешь.

– Заткнись!

Лиска дрожала от обиды. С глухим чавканьем освободила ногу и упрямо пошла дальше. Теперь родители точно ее отругают! Особенно отец. Он и в городе то вечно ругал даже за едва заметное пятнышко грязи на новой одежде. А там хотя бы была ванна, где можно вымыться и застираться. А тут что? Слезы невольно засверкали в уголках глаз, но Лиска изо всех сил крепилась. Она уже взрослая! И должна вести себя как взрослая! Плакать – это для малышни! Так всегда говорил отец.

Легче не стало, однако появилось какое-то вязкое равнодушие. Накажут, значит накажут. В конце концов она это заслужила. Надо быть осторожнее. Она сама виновата!

Мусорной ямой оказалась заросшая рытвина. Кроме отсыревших досок и железок тут валялся детский трехколесный велосипед без колес и руля, шина от автомобиля и треснувшие бутылки. Судя по всему, последний раз мусор выкидывали много лет назад. На влажной после вчерашнего дождя земле виднелись следы кошачьих и собачьих лап.

Лиска подтащила мешок к яме и спихнула его вниз. Несколько книжек выкатились из мешка, одна из них раскрылась и в свете солнца мелькнуло украшение. Лиска ахнула, красивый камень переливался в потемневшей брошке.

– Какая красивая!

– Даже не думай! – предостерег внутренний голос.

Игнорируя его, Лиска осторожно полезла в яму. Схватиться за что-то было невозможно, а прыгать вниз на торчащие ржавые железки Лиска боялась. Кое-как удерживая равновесие и цепляясь за жесткие сорняки, Лиска опустила сперва одну ногу, затем легла на живот и опустила вторую. Влажная земля щедро прилипла к платью, оставив несколько влажных пятен.

Брошка закатилась под велосипед. Лиска попыталась слегка его сдвинуть, но он за что-то зацепился. Осторожно переместив вес на левую ногу и широко вытянув правую, словно хотела сесть на шпагат, Лиска очень медленно перенесла вес на правую ногу и вытянула левую. Затем двумя руками взялась за велосипед и с силой подалась вперед. Раздался скрежет железа и велосипед с хлюпаньем сдвинулся с места. Лиска потянулась к брошке, но тут ржавый велосипед неожиданно стал двигаться дальше.

– Ай... – Лиска грохнулась на землю и поморщилась от боли. На правом локте проступила кровь. Смешиваясь с остатками влажной земли, кровь стекала по руке грязно-алыми каплями.

Платье было окончательно испорчено. Обида горячим комком подкатила к горлу. Лиска сглотнула, пытаясь не разрыдаться. Ругать себя было поздно. Внутренний голос как всегда оказался прав.

Велосипед отодвинулся достаточно, чтобы достать брошь. Она казалась не только красивой, но и огромной. Лиска положила находку в карман и тут заметила еще один предмет: кукольные волосы, торчавшие из земли. Они казались новыми, словно попали в яму совсем недавно.

Любопытство возобладало. Через секунду в руках оказалась оторванная головка. Ее края оплавилась, а волосы у самых краев кто-то подрезал. От находки сильно несло гарью.

Кто мог ее выбросить?

Лиска повернула кукольную головку лицом к себе и вскрикнула, разжав пальцы. Головка спикировала и стукнулась о разбитую бутылку. Нарисованные зеленые глаза радостно смотрели в небо, а рот широко улыбался.

– Вика...

Мысли лихорадочно завертелись в голове.

– Нет-нет, они не сделали... они не выкинули. Просто игрушка очень похожа. Отец давно грозился... он говорил...

– Говорил, что ты взрослая, – подсказал внутренний голос, – и пора перестать играть в куклы.

Лиска вскочила на ноги и не обращая внимания на грязь и мокрую траву вскарабкалась наверх. Пробежала по доске и влетела в дом. Вика лежала на кровати в той же позе, в какой ее и оставили. Целая и невредимая.

Тревогу как рукой сняло. Довольная Лиска спустилась по лестнице и чуть не столкнулась с родителями.

– Боже, Лиска... – ахнула мама, – ты только посмотри на себя... как ты... как же мне теперь...

– Лиска! – повысил голос отец, – ты что маленькая? Издеваешься над матерью? Выглядишь как грязная вонючая свинья!

– Это что, кровь? – мама схватила дочь за локоть, – Боже, а вдруг будет заражение? Игорь, где аптечка?

– У таких ядовитых детей не бывает заражения, – парировал отец, – как ты умудрилась? Как?!

– Я, – Лиска попятилась, пока не уткнулась в стену, – я... простите, я оступилась, а потом... там яма и в одной из книг. Ой, вот же, смотрите.

Она вытащила брошку из кармана и показала родителям.

– Она наверняка очень дорогая, – ее голос дрожал.

– Баракло! – Игорь выхватил брошку и секунду рассматривал перед носом, – бижутерия, поняла? Ба-рах-ло! И единственное, что тут дорогое – это время, которое мать потратит, чтобы привести тебя в нормальный вид! Сгинь с моих глаз.

– Простите, я не хотела, простите, – по щекам катились слезы. Лиска развернулась и побежала наверх. Влетела в свою комнату и рухнула на кровать сотрясаясь в рыданиях.

К вечеру заметно похолодало. Налетевшие тяжелые серые тучи принесли мелкую морось и ледяной ветер. К счастью, Игорь смог наладить подачу газа с помощью прихваченного из теткиной квартиры баллона. Кроме того, он починил электричество. Софья включила все обогреватели, которые остались в доме со старых времен. Только с печкой пока ничего не получилось. Дымоход что-то забило и дым валил внутрь дома.

Пока Лиска переодевалась и приводила себя в порядок, Софья успела притащить воды из колодца и приготовить ужин. Сваренные на газовой плите сосиски и макароны вкупе с горячим чаем впервые за последние два дня подняли настроение. Игорь пустился в воспоминания, шутил, жена и дочь посмеивались. В эту минуту они были настоящей дружной семьей.

Лиска дождалась подходящего момента, когда отец довольно облизался и откинулся на стуле.

– Пап, мы сегодня пошли гулять и представь себе, вокруг будто все вымерли. Ни одного человека.

– Ничего странного, – пожал плечами Игорь, – тут много дачников, которые приезжают только на лето. Сезон заканчивается, скоро ноябрь. Правда, у реки за полем еще остались деревенские. Те, кто живет тут постоянно.

– Интересно, а у них есть дети? Днем немного скучно, и...

– Если тебе нечем заняться, я работу всегда найду, – отец хохотнул, – убери комнаты, помоги матери по хозяйству. И не забудь про уроки.

– И книжки, – вклинилась Софья, – которые мы привезли с собой. Скучно тебе точно не будет.

– Я бы хотела поиграть с другими детьми. Подружиться с кем-нибудь. Как ты, в детстве.

Игорь бросил недовольный взгляд на жену.

– Лиска, – сказала мама, – все они живут за полем. Это довольно далеко, да и опасно. Вдруг собака бродячая покусает? Тут лес не так далеко, я помню, как однажды оттуда прибежала лиса и потоптала соседских кур.

– А на машине?

– Боюсь, мы не будем там долго задерживаться. Только за продуктами и обратно. Подожди немного, может, в соседские дома в следующем году кто приедет на лето.

Лиска кивнула и потянулась к кружке с чаем. Разговор потек своим чередом. Родители обсуждали погоду и планы на завтра. Ужин закончился, мама помыла посуду и стала стелить кровать. Тогда Лиска все же рискнула спросить:

– А вдруг кто-нибудь сам ко мне придет?

– То есть? – не понял Игорь, – кто должен к тебе прийти?

Он почему-то сразу напрягся, искорки хорошего настроения в глазах мигом погасли.

– Никто. Просто, я подумала, а вдруг кто-то сам придет? Тогда мы могли бы общаться и дружить.

Лиска подумала, что выкрутилась. Она уже была не рада, что затронула эту тему.

– Ну ка, говори кто к тебе приходил? – велела мама.

– Да почему сразу приходил? Я просто так интересуюсь... на всякий случай.

– Лиска! На какой еще случай?!

Лиска пыталась юлить, но в конце сдалась и рассказала о встрече с Леной.

– Я подумала, если она сама будет приходить к нам, то...

– Нет, – резко перебил отец, – я хочу, чтобы ты больше с ней не общалась.

– Но почему, – опешила Лиска.

– Потому что, я так сказал.

– Это нечестно!

– Лиска, – мягко сказала Софья, – помнишь, что говорил врач? Нельзя придумывать друзей.

– Я не придумываю! И никогда не придумывала! И вообще, врач так настаивал, что я просто согласилась. Не было у меня никогда невидимых друзей. А Лена, она настоящая.

– Нет!

– Но, папа!

– Хватит!

– погоди, Игорь, – попросила мама, – Лиска, ну сама подумай, рядом нет соседей. Откуда же взялась твоя Лена?

– Я... – Лиска осеклась.

– Чтобы я больше о ней не слышал, тебе понятно?

Лиска опрометью бросилась в свою комнату. Родители о чем-то заспорили, но ей было все равно. Не раздеваясь, она упала на кровать и прижалась к подушке.

– Нечестно! Это нечестно! Почему они меня так ненавидят? За что?!

Лиска погладила Вику по волосам и прижала к себе. Кукла по-прежнему молчала и сочувственно улыбалась.

Жаль, что куклы не могут говорить. Они бы могли оказать большую поддержку, особенно когда ее не могут оказать те, в ком действительно нуждаешься. Больше всего на свете Лиска хотела, чтобы родители поднялись и разрешили общаться с Леной. Но, увы, рядом была только Вика.

Глава 3

Утром следующего дня ветер усилился, качая верхушки деревьев. За все время с момента приезда солнце было редким гостем. Словно кто-то специально включил непогоду, омрачая

и без того нерадостное настроение. Лиска помогала по хозяйству, немного позанималась и почитала.

– Какая-то ты притихшая, – сказала мама.

Они сели перекусить. Продукты подходили к концу, и Игорь уехал вниз к реке за покупками и заодно выяснить как обстоят дела с работой.

– Все хорошо, – монотонно сказала Лиска, пережевывая бутерброд.

– Тебя так расстроил вчерашний разговор? Пойми, папа прав...

– Угу.

Она кивнула, допивая чай.

– Я тебя понимаю, – Софья мягко положила ладонь на плечо дочери, – тебе хочется поиграть, побегать, подурачится с друзьями. Потерпи, все будет, вот увидишь!

Лиска кивнула, хотя не поверила маме.

– Можно я погуляю у дома?

– Конечно. Только оденься теплее, на улице сильный ветер.

– Да, мама.

Лиска нацепила куртку на кофту, спрятала под молнию Вику и вышла на улицу. Залезла на большой камень и невольно посмотрела на реку. Верхушки деревьев покачивались, словно кланялись в пояс, по воде проносилась рябь.

Хотелось какого-то волшебства. Чуда, которое разбавит яркими красками серый тоскливый день.

– Привет! – раздался знакомый голос.

Лиска от неожиданности оступилась и чуть не свалилась вниз. Рядом стояла Лена в тонком цветастом платье и в кофте с капюшоном. Она казалась бледнее обычного.

– Привет.

Лиска спустилась и испуганно закурила головой, беспокоясь, как бы мама не увидела новую знакомую, – ты что тут делаешь?

– Не знаю, – честно ответила Лена, – мне было скучно, и я подумала, может удастся на реку посмотреть или поиграть с тобой.

– Нам нельзя играть вместе.

Лиска потупила взгляд и погладила Вику по волосам.

– Почему?

– Родители не разрешили.

– Почему?

– Откуда я знаю, – вспыхнула Лиска, – сказали нет и все. Говорят, ты бродяжка какая-то.

– Я?!

– Ты. Откуда ты появилась? Я вчера гуляла с мамой и видела, что в ближайших домах никого нет.

– А кто сказал, что я отсюда? – Лена от обиды поджала губы, – я живу за полем внизу у реки.

– Врешь! Мама говорит через поле ходить опасно, могут бродячие собаки покусать или лисы.

Лена вдруг рассмеялась. В ее серых глазах даже на миг загорелся огонек жизни.

– Где вы тут лис нашли? Вся живность если и добирается до деревни, то через северную переправу, от нее до поля несколько километров. На поле только трава засохшая, камни да ветер. Я там даже мышей или кротов не видела. В деревне хотя бы бачки есть с мусором, кто-то кур держит. Всяко лиса туда пойдет в первую очередь.

Лиска задумалась.

– Все равно далеко.

– Для тебя может и далеко, – улыбнулась Лена.

– А живешь с кем?

– С тетей. Когда... – тут она осеклась и как-то разом стала ниже, словно на плечи давил большой груз, – когда родители умерли, я переехала в деревню. Все дороги уже выучила.

Лиска не знала, что сказать. Утешать она не умела, а слова поддержки и сочувствия никогда в жизни не произносила.

– Если ты тут давно, то почему у тебя нет друзей? Зачем ходить к камню?

Лена сверкнула глазами. Мягкость и робость на миг пропали. В голосе прозвучала обида:

– Какое тебе дело? Отстань.

Лиска почувствовала горечь в словах Лены и поспешно сказала:

– Извини, я не хотела.

Они обе замолчали рассматривая землю. Лиске было неловко стоять, переминаясь с ноги на ногу. Ей хотелось, чтобы новая знакомая поскорее ушла, но та тихо сказала:

– Я слишком слабая.

– Что?

– Слишком слабая!

Она откинула капюшон. На бледном лице очень выделялись серые глаза. Обрамленные темными мешками, они казались очень глубокими и издали напоминали два больших пятна. Губы бесцветной кривой гусеницей устроились под острым носом.

– Ты болеешь? Это заразно? – Лиска инстинктивно отшатнулась.

– Нет, – Лена набросила капюшон, – врачи говорили что-то про иммунитет. Мы лечились несколько месяцев, а потом тетка увезла меня на свежий воздух. В городе было слишком пыльно и грязно. Я задыхалась. Вообще, когда я нервничаю или боюсь, то задыхаюсь.

– Понятно, – протянула Лиска.

– Если ты все же доберешься до нижней части реки, то можешь познакомиться со многими ребятами. Не все из них хорошие, но некоторым ты бы понравилась.

– Мне не разрешают туда ходить. Мне вообще многого не разрешают. Даже дружить с тобой.

– Тебя наказали?

– Нет. Скорее наоборот.

– Не понимаю.

– Были ребята в городе, они... обижали меня.

– Почему?

Прошлое казалось слишком личным. Стоило дотронуться до него и едва зажившие раны снова кровоточили. С другой стороны, прошлые обиды уже давно пытались прорваться наружу. Лиска всегда изливала душу только Вике, делясь своими тайнами и страхами. Они и подумать не могла, что может быть интересна кому-то еще кроме куклы.

– В городе я училась в школе. Родители много работали и почти никогда меня не встречали, так что приходилось добираться самой. Когда я перешла в третий класс, в школе появился новенький. Он собрал вокруг себя еще троих ребят и часто задирали младших. Некоторые его боялись, некоторые уважали. Другие старались не замечать. Серый и его друзья часто отнимали ручки и карандаши, иногда пеналы и даже деньги.

– Они приставали к тебе?

– Да. Мама любила брызгать на меня своими мерзкими и душными духами. В классе меня сторонились. Еще, я плохо выговаривала буквы «с» и «з». У меня не было красивых тетрадей или игрушек. Денег мне не давали, так что купить что-либо я не могла. Обедала бесплатно.

Лена понимающе кивнула.

– Серый заметил меня. Я всегда ходила одна и была для него отличным... зайцем. Ему не нравился запах, он смеялся над тем как я говорила. Однажды, меня толкнули на землю. Я пожаловалась маме. Она сходила в школу и Серого отругали. За это, он и его друзья напали

на меня и порвали портфель. Но когда я все рассказала папе, он отругал меня за порванную ляжку. Тогда я поняла, что нужно просто убежать.

Лиска перевела дух. На душе стало немного легче.

– А что было потом?

– Родительский комитет организовал поездку в лагерь на все лето. Записывали всех желающих. Не знаю, как я там оказалась. Помню первые дни мая. Мы ходили с мамой гулять на Невский. Было какое-то шествие. Мы пошли в парк и ели мороженое. Потом, кажется родители поругались..., а может и нет. Не помню. Я очнулась в конце августа в больнице. Родители сказали, что со мной случилось что-то очень плохое. Доктор задавал странные вопросы и прописал лекарство. Очень гадкое и невкусное. Родители боялись, что все может повториться. Поэтому, решили переехать сюда.

– Что же могло с тобой случиться, что родители бросили все и привезли тебя в деревню?

Лиска пожала плечами. Если бы она сама знала.

– Они думают, что я тоже могу тебя обидеть, – сказала Лена и вздохнула, – жаль. Тогда я пойду?

– Ага.

Лена повернулась, но не двигалась с места. Лиска не торопила ее. Было приятно, хоть и больно говорить о прошлом. Почти как на сеансе у доктора. Только там все происходило неестественно. Сейчас ей и правда было легче.

– Я знаю, что такое быть одинокой, – Лена зябко укуталась в кофту стиснув ткань тонкими пальцами, – когда не с кем даже поделиться своими мыслями.

– Я делюсь с Викой.

– Да, но она кукла, а куклы не умеют говорить. Слушай, – Лена обернулась, – может, мы будем дружить тайно?

– Это как?

– Так, чтобы никто не знал.

– Соврать? – ахнула Лиска.

– Не совсем. Не сказать всю правду и соврать – разные вещи. Я подумала, что мы могли бы иногда говорить о чем-нибудь. Например, о сказках.

– Я уже взрослая для сказок, – улыбнулась Лиска.

– Тогда о приключениях, тайнах или мечтах. Я хочу когда-нибудь открыть новую землю и найти там нечто такое, чего еще никогда не видели люди.

– Русалку, – хохотнула Лиска.

– Почему нет? Мне всегда нравилось мечтать о чем-то невозможном, странном и необъяснимом. А что, если русалки существуют?

Лиска хотела возразить, но тут сильный порыв ветра растрепал ей волосы. Поправляя их она случайно посмотрела вверх и застыла. Кто-то стоял в комнате на втором этаже и через окно приветливо махал рукой. Чей-то до невозможного хрупкий, расплывчатый силуэт. С тонкими ручками-веточками.

– Эй, – позвала Лена, – ты чего?

– Там!

Лиска ткнула пальцем.

– Где? Ну окно и что?

Силуэт исчез.

– Там кто-то стоял.

– Твоя мама?

– Нет, – Лиска сглотнула, чувствуя, как сердце начинает колотиться сильнее, – кто-то другой.

Лена долго всматривалась в окно, а затем понизив голос, почти шепотом произнесла:

– Слушай, а ты веришь в привидений?

– Еще скажи, что у меня одно из них поселилось, – сказала Лиска с надрывом и нервно хохотнула.

Она вспомнила скрипы и шепот и почувствовала холодок на спине.

– Кто его знает, дом то старый.

– Мама говорила, что в нем никто не умирал. Хотя, я в первую ночь чувствовала гарь и... кажется, что-то слышала.

Лиска рассказала про свои приключения.

– Наверное, я просто схожу с ума, – подвела она итог.

– Лиска, – окликнула мама, приоткрыв входную дверь, – не поможешь мне?

– Ой, мне пора!

Лена кивнула и зашагала к соседнему участку.

– Иду, мама, – крикнула Лиска и прошептала – постой. Приходи завтра к камню в это же время. Папа сказал, что будет кататься за продуктами, так что...

– Спасибо, я обязательно приду.

– Лиска, ну где ты там?

– Все пока, – Лиска махнула на прощание и побежала в дом.

Отец приехал под самый вечер. Уставший, но довольный.

– Нашел несколько вариантов себе и тебе. Будем вместе ездить.

– А как же Лиска? – возразила Софья, – предлагаешь оставить ее одну? А хозяйство? А уроки?

– Лиска не маленькая девочка, – твердо сказал Игорь, – способна себе и чай сделать и книжку почитать. А ты вечером проверишь.

Лиска постаралась стать незаметной. Она очень не любила, когда родители спорили о ней в ее присутствии. Снова оставаться одной не очень хотелось. Где-то в душе проснулось неприятное чувство, словно ее бросали, как ненужную вещь.

– Нужно это обсудить...

– Да, что тут обсуждать!

Они заспорили, постепенно повышая голос. Лиска ерзала на стуле, не зная куда себя деть и с облегчением ушла наверх, когда мама раздраженно сказала:

– Ты поела? Иди к себе, я сама уберу.

Только подойдя к двери, Лиска вспомнила про силуэт и замерла. А вдруг он еще там? Вика смело улыбалась, словно говоря: не бойся, ничего там нет. Лиска толкнула дверь. Никого. Комната выглядела как обычно: окно, слева столик, накрытый всякой всячиной, справа плохо застеленная кровать.

– Мне почудилось, – вслух сказала Лиска, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Лиска легла на кровать, обняла Вику и постаралась выбросить из головы все лишнее. Приятная тяжесть в животе после ужина и тепло от электрической печки в углу вгоняли в дремоту. И вдруг в голову почти одновременно пришли две мысли: теперь можно чаще видеться с Леной, и они могут стать настоящими друзьями.

Лиска почувствовала себя странно. Что-то изменилось в сознании. Он ощущала себя такой как все. Нет. Лучше, чем все. Она нашла себе настоящего друга, которым не хотела делиться ни с кем. Глубоко внутри зарождалась новая сила, которая придавала уверенность. Значимость.

Водоворот эмоций на время отогнал сон. Лиска думала о том, что у них с Леной теперь своя собственная маленькая игра. Тайна, принадлежавшая только им. Поиски привидения стали забавой. Как-то сам собой притупился страх. Под напором новых ощущений, скрипы и

силуэт в окне приобрели фантастическое значение. Словно, все происходило в кино, а не на самом деле.

Лиска улыбнулась. В этот миг она была по-настоящему счастлива.

В небольшом кабинете был слишком низкий потолок. Он нависал, грозясь вот-вот рухнуть. Из-за него, казалось, что стены медленно сближаются. На них были изображены голубые дельфинов, море и кораблики. На полках и у окна сидело много плюшевых зверей. Однако, несмотря на все попытки сделать атмосферу уюта, тревога не уходила. Вероятно, дело было в режущем глаза свете ламп или запахе пыли и тяжелого одеколona.

За большим письменным столом сидел мужчина в белом халате. Он говорил мягко и неторопливо, словно рыбак, выжидающий момент для подсекания крупной рыбы.

Он ей не нравился. Слишком дружелюбный, слишком много улыбается.

– Как ты спала последнюю неделю?

– Хорошо, – она отвечала отстраненно, но в то же время с опаской.

Это была не первая их встреча и скорее всего не последняя. Главное, что она усвоила – нельзя плакать и рассказывать о снах. Кошмарах, которые мучили на протяжении последних двух месяцев. В первый раз она пыталась узнать, что произошло. Почему так быстро кончилось лето? Человек в белом халате сочувственно кивал и назначил таблетки. Гадкие белые кругляшки от которых подступала тошнота. Потом человек спрашивал про школу, детство и любимых животных. Он записывал ответы в блокнот, а затем вытаскивал часы и подсаживался к ней поближе. Она засыпала и пробуждалась либо в коридоре на стуле, либо в машине.

После посещения врача, кошмары стали реже. Она чувствовала, что забывает что-то очень важное. Обычно она просыпалась по утрам с дикими криками и в холодном поту, но при этом она почти касалась... чего? Она не знала. Но знала, что должна дотянуться до «этого». В последний момент «оно» упархивало, растворяясь в лучах солнца.

Она что-то оставила в памяти. Но при попытке разгадать тайну взрослые доставали таблетки и пичкали, пичкали, пичкали, словно пытались забросать прошлое горой лекарств. Со временем она перестала бороться, говорила то, что хотели, вела себя тихо и покорно шла на очередной сеанс. Раз в неделю. Потерпеть пару часов. Лучше, чем лекарства.

Но сегодня все было по-другому. Веселый дельфин улыбался со стены, море спокойно колыхалось, а чайки почти скрылись вдали. Но в душе нарастала тревога.

– Тебя что-то беспокоит?

– Нет, все хорошо, – она молилась, чтобы он не раскусил ее.

Цветы в горшках. Они всегда стояли по высоте слева направо. А сейчас теснились вразнобой. Запах. От них почему-то воняло болотом. Она даже не поняла в какой момент все стало меняться. Дельфин превратился в рыбий скелет, а чайки в кричащих ворон. Они вот-вот готовы были взлететь и закружить по кабинету.

– Мяу, – раздался утробный вой возле окна.

– Тебя что-то беспокоит? – человек улыбался, его одежду и кожу покрывали пятна грязи.

– Нет, все в порядке, – она изо всех сил пыталась не закричать.

На полу была раскидана земля. Мокрая, вперемешку с илом. На ней хорошо отпечатались кошачьи следы.

– Все в порядке, все в порядке, – она твердила, стараясь удержать в голове образ светлой и чистой комнаты.

Стены покрылись грязью. Запахло плесенью и чем-то протухшим. Потолок треснул. Посыпалась штукатурка.

– Мяу! Мяу! – надрывалась кошка.

Она была то спереди, то сзади, то сверху, то снизу. Она была везде.

– Где ты? Не прячься!

– Мяу!

– Тебя что-то беспокоит? – снова и снова повторял человек. Его одежда висела лохмотьями, кожа почернела и стала осыпаться.

– Все хорошо! Все хорошо! – повторяла она, прикрывая уши.

Человек рассыпался, оставив после себя горстку песка.

– Мяу! – следы шли по стенам и потолку, – мяу! Мяу!

Вдруг все стихло. Она поднялась с кушетки.

– Тебя что-то беспокоит? – человек в халате сидел за столом и улыбался. Комната была прежней и даже цветы стояли как надо.

– Все в порядке, – облегченно выдохнула она и тут позади раздалось тихое мурлыканье. Тревога забила в набат. Все чувства обострились и кричали только об одном – не оборачивайся! Но она обернулась.

Тьма. Поглотившая мир бездна. Черная чернильная чернота.

Она стояла посреди этого черного моря, от которого несло гнилью. Где-то слышался гул, будто огромные волны разбивались о невидимый берег. Сырость окружила ее, скапливалась на коже и стекала вязкими каплями. В темноте особенно черным выделялась узкая дорожка.

Она не знала, что ждет ее в конце пути, но ощущала странное стремление выяснить. Добраться до скрытой тайны и прикоснуться к ней. А потом раздался зов. Дикий. Жалобный. Сильный. Он заглушил рев волн. Затмил собой всю черноту бездны. Он звал ее.

Глава 4

Лиска лежала и смотрела в потолок. Станный сон оставил после себя чувство сожаления, словно она бросила что-то очень знакомое и родное. То, что стало ее частью.

Тихое шуршание оторвало от размышлений. Лиска испуганно поджала ноги и привстала на локтях. Прислушалась. Шуршание повторилось. Оно доносилось из-за стены. Мышь?

Лиска затаила дыхание. Звук больше не повторялся.

– Выезжаем минут через двадцать, – услышала Лиска спустившись вниз.

Отец дочитывал газету, одновременно прихлебывая чай. Мама суетилась, убирая посуду.

– Вы куда?

– В деревню. Вернемся, наверное, к вечеру. Иди умывайся, завтрак оставлю на столе.

Предвкушая встречу с Леной, Лиска сделала вид, что расстроилась и вышла на улицу. Быстро почистила зубы и обтерла лицо холодной водой. Затем вернулась к столу, где уже стояла чашка с ароматным чаем.

– Тут водятся мыши? – спросила Лиска, вцепившись в чашку.

– Не хлебай чай и не втягивай в себя. Что за манеры... Водятся, конечно, и кроты тоже.

– А в доме? Я слышала шуршание за стенкой.

– Лиска, ты уже взрослая, чтобы бояться мышей или я не прав? – отец посмотрел на дочь одним из тех взглядов, которых она боялась и стыдилась.

– Прав, – тихо шепнула она.

– За двадцать лет без еды все мыши давно передохли.

– Игорь, – укоризненно покачала головой мама.

– Следи за домом, – буркнул отец и вышел на улицу.

– Постараемся скорее вернуться, – мама чмокнула в щеку и обдав ароматом цветов.

– Ну вот мы и одни, – сказала Лиска кукле и привычно погладила ту по волосам.

Первое что хотелось – выскочить на улицу, но потом до Лиски дошло, что они не обговаривали конкретное время. Оставалось ждать и надеяться, что Лена каким-то образом догадается и заглянет пораньше.

Лиска домыла остатки посуды в тазу, прибралась на столе, вытерла крошки. Затем улеглась на кровать с книгой. Когда-то мама работала учительницей литературы и прихватила из города небольшую библиотеку, а также несколько учебников.

Лиска выполнила упражнения и прочитала пару глав «Алисы в стране Чудес». Интересно, как это упасть в кроличью нору? Наверняка здорово! И оказаться в безумном, но волшебном мире.

От мечтаний оторвал луч солнца. Удивительно, как быстро менялась погода. Еще вчера ветер нагонял мрачные осенние тучи, а сегодня вновь наступила весна. Трава мягко шелестела под окном, где-то далеко доносилось пение птиц. Природа так и манила выйти на улицу.

Лиска захлопнула книгу и выскочила за дверь. Но не успела сделать и шагу, как замерла, едва не вытаращив глаза. Все вокруг крыльца было испещрено отпечатками кошачьих следов. Словно всю ночь не меньше дюжины котов маршировали вдоль и поперек.

Лиска зажмурилась. Она выходила умываться меньше двух часов назад и следов точно не было! Как такое возможно?

– Мяу!

– Кс-кс-кс?

– Мяу!

Кто-то – кот или кошка – бродил с другой стороны дома. Но как только Лиска подходила ближе, животное перемещалась либо за спину, либо за угол. Лиска сделала круг, вышла к камню и... ойкнула. Следов стало гораздо больше. Они отпечатались и на траве, и на земле и даже каким-то образом на гравии. Они петляли кругами, то подступая к дому, то удаляясь от него.

– Шр-шр-шр, – кто-то шевелился в кустах.

– Эй, – позвала Лиска, затем подняла камень и бросила.

Звук исчез. Вдруг сверху раздалось очень громко:

– Мяу! Мяу! Мяу-у-у-у!

В голосе звучала такая боль, словно животное попало в капкан. Лиска вскрикнула и задрала голову.

Показалось? Или нет?

На крыше мелькнул хвостатый силуэт. Грязные следы кошачьих лап поднимались прямо по стене дома.

Это было невозможно. Нереально. Это было... безумие?

Солнце вышло из-за редких облаков, на миг ослепило. Лиска инстинктивно прикрыла глаза рукой и сделала шаг назад. Нога задела камень. Лиска оступилась и нелепо взмахнув руками, грохнулась на землю.

Когда она поднялась следы исчезли.

– Привет!

На бледном лице промелькнула улыбка. Лена вышла из высокой травы заросшего соседнего участка и прислонилась к стенке дома.

– Что-то не так?

Лиска протерла ладонями глаза, словно пыталась проснуться.

– Кажется, призрак снова приходил, – шепотом сказала она, косясь на дом.

Лена округлила глаза выслушав приключения подруги.

– Может, тебе померещилось?

– По-твоему, я совсем куку? – обиделась Лиска и принялась наглаживать Вике волосы.

– Какой-то странный призрак, – заметила Лена, – то является в окне, то шепчет, то следы оставляет.

– Откуда я знаю, как у этих призраков заведено, – вспыхнула Лиска.

– Я слышала, что они хотят что-то рассказать живым и оставляют знаки.

Лиска пожалала плечами. Идея охоты за привидением ей нравилась тем меньше, чем более реальным было само существование призрака. Если скрип и шепот можно было объяснить старым домом, а силуэт в окне бликами солнца, то следы... Одно дело играть в игру, которую в любой момент можно прекратить и совсем другое встретить то, чему нельзя дать логического объяснения. Тревога заявила о себе урчанием в животе. Сколько еще знаков будет оставлять призрак?

– Слушай! – Лиску вдруг озарило, – я тут вспомнила. Когда мы приехали, я выносила мусор и...

Она быстро пересказала историю своего падения в яму.

– Голова куклы была очень похожа на голову Вики. Я даже подумала, что родители специально разломали ее.

Лиска нежно прижала игрушку к груди.

– Зачем?

– Папа говорит, что я взрослая. Надо не играть, а думать о чем-то серьезном. Он часто так говорит.

К горлу подкатил комок.

– Тетка рассказывала, что меня в детстве тоже часто ругали. Даже били, – призналась Лена.

– И что ты сделала?

– Ничего. Терпела, наверное. А потом они погибли.

– Как они... – Лиска замялась. Ее терзало любопытство, но в тоже время, она боялась причинить Лене боль.

– Мы возвращались домой после какого-то праздника. Тетка говорила, что они выехали на встречную полосу и врезались в грузовик. Лично я ничего не помню.

– Почему? – удивилась Лиска, – ты же была там.

– Последнее, что я видела это темную дорогу. Доктор говорил, что так бывает, когда переживаешь что-то страшное.

Лиска задумалась. Что же такое с ней произошло, если она не помнила целое лето?

– Думаешь, голова еще там? – сменила тему Лена.

– Если призрак не унес.

– Посмотрим? – в глазах Лены загорелся азарт.

Лиске не очень хотелось возвращаться, но энтузиазм оказался заразительным, и они пошли к мусорной яме.

– Почему именно голова?

– М? – не поняла Лиска.

– Не целиком кукла, а только голова? – принялась рассуждать Лена, нахмутив лоб, – может, призраку отрезали голову и теперь он ищет ее?

– Мне сказали, что в доме никто не умирал, – напонила Лиска.

– Ах, да. А если раньше? До того, как дом построили.

– Кто-нибудь из моих родных обязательно бы заметил за столько лет.

– А что, если ее убили перед вашим приездом и закопали в земле? Или замуровали в стене? Или...

Лиска вздрогнула при мысли, что совсем рядом может лежать чей-то труп.

– Почему ее? Может, его?

– Тогда голова была бы от какого-нибудь робота, – тут же нашлась Лена, – раз голова куклы, значит она как-то связана с куклой.

Версия так себе. С тем же успехом в яме могло находиться кукольное платье или ленточка от волос. Да что угодно! Кто ж этих призраков разберет?

– А может, просто потому, что у тебя тоже есть кукла? Ты бы точно не пропустила такой знак.

Лиска пожалала плечами и шагнула на доску через канаву. Дойдя до середины, она оглянулась. Лена застыла, испуганно глядя в мутную жижу.

– Ты чего?

– Можешь дать руку?

– Эм... да, конечно, – Лиска протянула ладонь и обхватила пальцы Лены. Они были очень холодными и влажными, – ого, как ты замерзла!

– Немного, – нервно хохотнула Лена и стараясь не смотреть вниз перешла по доске, – спасибо.

– Ты боишься?

Лена ткнула пальцем в канаву.

– Вода? И что?

– И то! – Лена обняла себя руками и тихо спросила, – тебе снятся кошмары?

– Да.

– Мне часто снилась вода и то, как я тону, – Лена поежилась, – барахтаюсь, но никак не могу ухватиться за что-нибудь. Вода ледяная и тухлая. Я помню ил. Он засасывает все глубже, я дергаюсь, кричу, воздуха не хватает. Я начинаю задыхаться и погружаюсь почти с головой.

– А потом?

– Просыпаюсь. Однажды я уже упала в канаву. Это было давно, после того как я перебралась к тетке. Я тонула и барахталась, и думала, что это конец. Но в последний момент повезло – дно оказалось не таким илистым, и я смогла оттолкнуться и всплыть.

Лена закусил губу и отвернулась. Она тяжело дышала, будто не хватало воздуха. На лбу и висках проступили капельки пота. Лиска подошла и осторожно обняла подругу за плечи. Они простояли так пару минут, прежде чем Лена немного успокоилась и даже улыбнулась.

– Давай не будем об этом, веди дальше.

Лиска обрадовалась и торопливо зашагала через траву. Всегда было неудобно, когда кто-нибудь рассказывал о чем-то плохом. Однажды, Лиска была на похоронах деда. И когда рядом плакали его друзья или родственники, Лиска чувствовала себя неловко. Она не знала, что нужно сказать или сделать и стояла как истукан с каменным лицом. Ей было проще уйти, чем выразить то, чего она не умела.

Яма наполнилась мусором. Родители перетаскали из дома кучу хлама, который закрыл собой и старый велосипед, и железки и книги.

– Она была там, – Лиска ткнула пальцем в правый край ямы.

– М-да, – протянула Лена скептически оглядывая мусор, – как бы спуститься?

– Я точно больше не полезу. Меня в прошлый раз отругали.

– Тогда, помоги мне. Держи крепко.

Лена опустила одну ногу, за ней вторую. Стараясь удержать равновесие, осторожно присела возле одного из мешков.

– Тут немного мокро, – прокомментировала она, ухватившись за мешок и одновременно расчищая место от мелкого мусора, – ого, сколько книг. За что с ними так?

– Мы не все выкинули. Только совсем старые.

Лена пожалала плечами, мол дело ваше, но я бы так не поступила. Она рылась в яме, словно лиса, почуявшая добычу. Шаг за шагом, метр за метром. Спустя полчаса выпрямилась во весь рост и шумно выдохнула.

– Ты уверена, что голова была тут?

– Да. Я уронила ее возле разбитой бутылки.

– Вон той? – Лена кивнула в сторону темных осколков, – чуть палец о нее не порезала.

– Кажется. Тут много бутылок. Рядом лежал велосипед.
– Ну его я вижу, а вот голову нет. Опиши ее еще раз.
– Похожа на голову Вики. От нее воняло горелым.
– Наверху у тебя пахнет также?
– Не так сильно.
– Ясно. Вытаскивай меня.
– Удивительно, как ты сама поднялась, – Лена со свистом втягивала воздух и казалась еще бледнее обычного, – ноги скользят, а за траву я бы не рискнула держаться.

Лиска благодарно посмотрела на Лену. Хоть кто-то посочувствовал, ведь подъем и правда казался невозможным.

– Итак, либо голова закатилась глубже, либо ее унесли бродячие кошки.

– Кошки? – удивилась Лиска.

– Там на земле много отпечатков.

Лиска невольно вспомнила следы у дома.

– Но зачем им кукольная голова?

– Ты же говорила, что она пахла гарью, – ответила Лена, отряхиваясь от грязи, налипей на рукава, – тетка иногда жжет мусор. Кошаки думают, что это еда и растаскивают остатки по участку.

Лиска не поверила, но на всякий случай кивнула. Подруги последний раз осмотрели яму и отправились обратно.

– Раньше тут бегало много животных, – сказала Лена, когда они перебрались через канаву, – на деревьях чирикали птицы.

– На нашем участке?

– Нет, вообще в верхней части деревни. У нас то бродячих животных и сейчас полно. Когда-то тетка была знакома с вашими соседями, – Лена кивнула на заросший высокий травой участок, – так она часто заходила поболтать и чай попить. Говорит, то одна кошка придет то другая. А потом все поразъехались. Еды не стало и кошки ушли.

– А как же птицы, мыши?

– Птиц тоже меньше стало, а вот воронья развелось. Мышей еще поймать надо. Конечно, с голодухи и траву будешь есть, но у нас внизу люди часто выбрасывают огрызки костей, остатки колбасы, да много всего. Вот кошаки и перебрались.

– У меня никогда не было кошки. У мамы аллергия, да и отец не разрешал.

– У меня тоже не было, – Лена замедлила шаг, – хотя, когда-то давно я привязалась к одной пятнистой красавице. Она так ласково мурчала у меня на коленях... эх. А ее глаза? Такие огромные и добрые. Мы часто с ней играли.

– И что с ней стало?

– Убежала. Я искала... как же ее звали... Василиса вроде. Она жила рядом с вашим участком. Она была покалечена – без половины задней лапки. Неуклюже переваливалась, когда шла рядом. Мы вместе сидели на камне и смотрели на деревья. Но однажды, она просто исчезла.

– Печально.

– Ага

Они вернулись к дому. Лена подняла камень и принялась чертить на земле слова.

ГОЛОВА

ГОРЕЛОЕ

КОШКА

СЛЕДЫ

– Вот! Осталось понять, что их объединяет.

Они замерли раз за разом перечитывая слова.

– Почему ты думаешь, что их вообще должно что-то объединять? – спросила Лиска, оставив надежду найти здравый смысл в «послании».

– А как же?! Запах, следы. Слишком странно и непонятно.

– Голову могли выкинуть соседи, когда еще жили тут.

– Могли, – согласилась Лена, – но ведь голова то пропала. Да и нашла ее ты. Запах горелого? Чем не знак?

– Ну, не знаю, – Лиска скептически покачала головой, – если так думать, то и брошка тоже знак?

– Какая брошка? Ты ничего не говорила про брошку. Так ты за ней в яму полезла?

– Да. Брошка вывалилась из старой книги. Я подумала, что вещь дорогая, старинная и продав ее мы... меня похвалят и... короче, решила достать. Брошь оказалась самая простая с большим камнем посередине и ржавая по...

– ...краям, – закончила за нее Лена.

– Да, откуда ты знаешь?

Лена нервно сжала и разжала пальцы.

– Тетка такую носила. Одевала по праздникам. Сказала, что брошь ей от матери досталась. Семейная реликвия. А потом вещь пропала. Тетка весь дом облазила, но не нашла. Очень горевала. Можешь показать брошь?

– Конечно. Не пойму только, как она попала в книгу?

Лена наклонилась и вывела еще одно слово:

БРОШЬ

Они подошли к двери, но тут послышался звук подъезжающей машины.

– Родители!

Лена ойкнула и попятилась.

– Мне пора.

– Приходи завтра, а я поищу брошь и принесу тебе.

Лена кивнула и поскорее скрылась в траве соседнего участка.

Глава 5

– Место хорошее, – сказала Софья, раскладывая еду по тарелкам, – маленький магазинчик, покупателей немного.

– А мне можно посмотреть?

– Можно, но не сейчас.

– На тебе хозяйство, – напомнил отец, – теперь мы будем приезжать поздно, так что готовишь ты.

– Но я не умею!

– Научишься, – отрезал отец, – газ подведен, плита работает. Сварить макароны или рис ты в состоянии.

– Я буду готовить обед по воскресеньям, – сказала мама, – так что на несколько дней хватит, в четверг ты можешь отварить сосисок, а в пятницу... посмотрим.

– Что делала сегодня? – спросил отец.

Лиска чуть было не ляпнула про поиски кукольной головы, но вовремя удержалась.

– Читала, убиралась в комнате, гуляла.

– Далеко не ходи, – сказала мама, – держись участка.

– Больше читай и учись, я буду проверять.

Лиска не поверила. Иногда на отца находило желание поучаствовать в воспитании. Вот только он слишком быстро «перегорал» и утыкался в любимую газету.

После ужина все разбрелись по комнатам. Теплая погода опять резко поменялась. Тучи заволкли небо, поднялся ветер. Верхушки деревьев качались из стороны в сторону. Низкое

темное небо напоминало волны из сна. Где-то там в вышине была узкая дорожка, ведущая к тайне.

Лиска сидела у окна и рассматривала написанные на бумаге: *голова, горелое, следы, кошка, брошь*.

– Если брошь оказалась в книге, значит кто-то ее туда положил, – заметил внутренний голос.

– Но сделать это мог тот, кто заходил в дом, – Лиска обвела слово карандашом, – еще он держал кошек и...

– Что? Жег кукол?

Мысли в голове проносились быстрее машин на шоссе. Очень хотелось разгадать загадку или хотя бы найти подсказку. Лиска к своему удивлению вдруг поняла, что старается не только ради себя. Было бы приятно порадовать Лену, которая с энтузиазмом бросилась искать призрака. Лиска не хотела признавать, что в этом желании есть доля ее личного эгоизма. Что еще, как не радость подружки способствует укреплению дружбы? Чтобы что-то получить, надо что-то отдать.

Когда Лиска ходила на прием, то часто слышала, как доктор говорил с родителями. Слова: *ищет поощрения, хочет внимания и добивается благодарности* ничего не говорили. Зато ярко выраженный эгоизм и острое чувство собственности многое сказали родителям. Они учили дочь делиться вещами и едой, учили отдавать последнее для нуждающихся и даже принудили отдать пару игрушек детям-сиротам из приюта. Лиска отдала, но родители так и не поняли, что все это было принуждением, а не терапией.

Лиска нарисовала дом и рядом с крышей написала слово «горелый». В первую ночь запах шел со второго этажа. Днем он слышался слабее, прикрытый ароматом грибка. Почему запах был таким сильным именно на втором этаже? Почему от кукольной головки тоже несло горелым? Но главное – почему призрак виделся именно ей?

Лиска закрыла глаза и попыталась вспомнить силуэт в окне. Он приветливо махал рукой. Приветливо ли? Лиску пробрала дрожь. Что если он не здоровался, а велел убираться подальше? Не улыбался, а скалился? Шепот и скрип в первую ночь, можно было бы сравнить с ходящим туда-сюда человеком. Так когда-то ходил отец, пытаясь решить трудную задачу по работе. Ходил и бормотал под нос, выбирая как поступить.

Лиска убрала листок и перебралась на кровать. Хотелось с кем-нибудь поговорить, но рядом была только Вика. Лиска привычно гладила ее по волосам медленно погружаясь в дрему.

В помещении царил жуткий беспорядок. Одеяло валялось на полу, рядом со старой железной кроватью. Дырявый матрас выпячивал наружу остатки сгнившей соломы. Пыльные тряпки и доски валялись возле стен. Старый трехколесный велосипед без колес опрокинулся на бок. Пол устилала содранные обрывки от пожелтевших газет.

В воздухе висел густой дым. Дверь почернела и едва держалась под натиском пламени.

ОНА в ужасе стояла у маленького окошка и стучала ладонями. Стекло треснуло и частично вывалилось наружу. Острые края порезали руку – на пол закапали красные капельки. Боль отступила под натиском ужаса. Холодный, словно змей, он проник ядовитым дыханием в каждую клеточку, выдавил весь воздух из легких. Что-то затрещало и огонь заглянул внутрь. Поприветствовал старые тряпки, зашуршал газетой.

– Помогите!

ОНА крикнула и тут же закашлялась. Дым окутал все. Он валил из щелей дома, просачивался через дыры в крыше, вырывался из разбитого стекла. ЕЙ пришлось упасть на колени, чтобы вдохнуть остатки воздуха возле грязного пола. ОНА качалась из стороны в сторону, разинув рот, словно выброшенная на берег рыба. Из горла вместе с кашлем вырывались хрипы. Голова кружилась, перед глазами прыгали черные мушки.

Еще немного, и ОНА без сил растянулась на полу. Сознание заволакивала приятная темнота. ОНА сделала последний жуткий вдох и вцепилась в горло, забившись на полу в безумной пляске. Дернулась и застыла.

Та другая осталась сидеть на кровати с жалостью и презрением глядя на мертвую. ОНА все поняла и могла помешать. Другого выбора не осталось. Никто бы не понял, и никто бы не оставил ту другую в живых после всего. ОНА хотела отказаться от свободы, чтобы заточить ту другую навсегда. Но, та другая больше всего на свете хотела жить. Жить так, как хотела только она одна. И теперь та другая могла не спрашивать разрешения. Теперь, когда ОНА заперла ЕГО, та другая решила на последнюю хитрость. ОНА останется тут навсегда. ОНА будет страдать, но в конце концов послушает ту другую. И та другая станет наконец счастлива. Пусть даже все придется начинать заново тысячу раз.

Та другая прошла мимо сквозь дым и скрылась за горящей дверью. А огонь медленно подкрадывался и нехотя, словно собака еще не распробовавшая кость, принялся облизывать мертвую.

Лиска проснулась от своего крика. Она тяжело дышала, пытаясь проглотить как можно больше воздуха. Сон казался таким реалистичным, что запах дыма до сих пор свербел в горле. Ночная прохлада успокаивала. Лиска восстановила дыхание и вытерла бисеринки пота, выступившие на висках. Кошмар медленно забывался. Лиска уже не помнила лица мертвой. Какая-то часть сознания заставила схватить карандаш и написать на листке бумаги: *огонь, окно, дверь*. Через минуту осталась только смутная тревога, свернувшаяся где-то внизу живота. Был ли кошмар знаком Лиска не знала, но инстинктивно чувствовала, что сон мог быть как-то связан с запахом гари.

– Шр-шр-шрш, – раздалось знакомое шуршание.

В соседней комнате скрипнул пол. Лиска замерла, вцепившись в Вику. Скрип повторился. За ним прилетел шепот. Вдруг, что-то ударилось о стекло. Лиска вскрикнула и повернула голову. На стекле расплывался комочек грязи. Она на цыпочках опустилась на пол и посмотрела на улицу. Внизу скакала тень. Она замахнулась и бросила еще один комочек.

– Мяу! Мяу-у-у!

Невидимая кошка издавала утробный тяжелый вой под кроватью. Шипела и выла, скреблась когтями.

Кровать задергалась. Лиска вылетела за дверь в коридор. Она хотела спуститься, но люк из тонкого дерева, закрывавший ход вниз, был опущен. Лиска дергала ручку, пыхтела, отталкивалась ногами, но все зря. Крышку заклинило.

Дверь в соседнюю комнату с грохотом распахнулась. Лиска от неожиданности грохнулась на пол.

– Шр-шр-шрш, – звучало из комнаты. Что-то с силой забило с внутренней стороны люка. Словно какое-то обезумевшее животное рвалось с той стороны.

Лиска вскочила и попыталась открыть дверь в свою комнату, но тут же отдернула руку. Ручка оказалась очень горячей. Грохот по крышке усилился. Как бы Лиска не желала остаться в коридоре ей пришлось бежать в соседнюю комнату. В один миг все стихло. Лиска осмотрелась. Через стены не проступали ладошки, окна не открывались, и никто не скрипел половицами. Гарь вперемешку с сыростью все также висела в воздухе, луна светила через стекло и спинки кроватей вырисовывали на стене мрачные решетки.

Лиска сделала пару шагов к окну и разглядела оседающую пыль. В лунном свете опускалась целая дорожка, как если бы кто-то встряхнул старые занавески. Пыль не оседала равномерно, она словно проходила через невидимую преграду, зависая в воздухе. Через минуту явственно различался человеческий силуэт. Хоте нет, скорее это была тень, по недоразумению оставшаяся на месте, когда хозяин давно ушел.

– Как она держится? – спросил внутренний голос.

Лиске было все равно, но она почему-то не могла сдвинуться с места. Тень очаровывала, как очаровывает мягкий крупный снег медленно падающий на город. Это было... волшебное. Страх ушел и Лиска протянула руку.

Слишком поздно она поняла, что совершила ошибку. Огонек тоже привлекает мотылька, но волшебство момента пропадает, когда крылышки и тельце последний раз вспыхивают, обращаясь в пепел.

Едва Лиска коснулась пыли, как раздался целый сонм звуков. Тут был и смех, и шепот и протяжный вой и много чего еще. Дверь с грохотом закрылась. Пыль закружилась в круговороте и ринулась на жертву. Лиска закашлялась и замахала руками, словно отгоняла мошкарку. Пыль забивалась в уши, нос, пролезала в рот. Стремилась проникнуть все глубже, поглотить, сожрать. Лиска упала на пол. От привкуса горелого дерева тошнило. Смех звучал все громче. Лиска хотела кричать, но не могла. Она закрыла голову руками, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Лицо, облепленное пылью горело. Во рту пересохло, язык превратился в высушенный лист.

Лиска забилась на полу, дернулась и застыла.

Пыль рассеялась и опустилась рядом.

Дверь медленно и со скрипом приоткрылась.

Черные волны, величиной со скалу грозились поглотить одинокую фигурку. Она бежала, закрывая голову руками. Дикий гул, рев океана не просто оглушал. Он сводил с ума. Как сводит с ума огромная невозможная сила. Настолько великая, что познать ее невозможно. Фигурка не думала о значении бездны, о ее конце или начале. Она бежала вперед на зов запертой впереди тайны. Он звал ее. Молил о свободе. Обвинял в подлости. Она заперла его. Она боялась его. Она нуждалась в нем. А теперь он нуждался в ней. Только она могла его освободить.

Чем дальше она бежала, тем дальше казалась ее цель. Позади на дорожку уже обрушились черные воды. Фигурка задыхалась. Ноги заплетались, грозясь подломиться. Она сделала еще одно усилие и прыгнула в черную лодчонку. Воды сомкнулись за ней, швырнув суденышко на волю ветру и черному вязкому дождю.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – в пятый раз за последний час поинтересовалась мама.

– Да, – пробубнила Лиска, ковыряясь ложкой в остывшей каше.

Лиска очнулась в своей кровати вся мокрая от пота. Мышцы болели, словно Лиска бежала без остановки несколько километров. Язык пересох, а голова раскалывалась. Сейчас стало лучше, хотя с лица еще не сошла бледность, а ладони никак не хотели согреться.

Лиска помнила, как ее поглотила пыль, но что было потом? Ее не покидало ощущение вновь ускользнувшей разгадки.

Лиску заставили померять температуру. Градусник показал тридцать шесть и один. После чая слабость проходила слишком медленно, чтобы успокоить маму.

– Я должна остаться.

– Ты серьезно? – Игорь даже отложил газету.

– Думаю, это что-то серьезное.

– Прикидывается.

Лиска мысленно вздохнула. Она и не ожидала другой реакции. Ну как же, она ведь взрослая и сильная. А такие не болеют.

– Я так не могу.

– Подумай головой. Работа подвернулась хорошая, стоит ли ей так рисковать? Нам нужны деньги. Посмотри на Лиску, разве она так похожа на тяжело больную?

Он сказал спокойно, даже безразлично, но Лиска хорошо знала, что папа сердится на нее. Он очень не любил, когда срывались планы, а работа была для него самым важным в жизни планом. Это Лиска уяснила в раннем детстве, когда полезла обниматься, а отец грубо выставил ее вон из комнаты сказав, что у него важный отчет. После этого Лиске целый год снился злобный отчет в виде папки с зубами, которая гонится за ней и норовит вцепиться в волосы.

– Все хорошо, мама. Можно, я сегодня не буду заниматься?

– Говорю же, прикидывается.

– Хорошо, но обязательно меряй температуру и если поднимется выпей таблетки. Я оставлю тебе на столе.

Лиска безропотно кивнула. Завтрак закончился, родители собрались и уехали. Отец даже не обернулся, а мама только виновато улыбнулась и помахала рукой. Лиска тоже помахала и вернулась в дом.

– Вот так всегда, – резюмировал внутренний голос. Он не язвил и не ругал. Если бы мог, то, наверное, грустно покачал головой.

Лиске хотелось, чтобы ее кто-то выслушал и обнял. Хотя бы на минуту, хотя бы один раз. Сегодня чувство одиночества проявлялось как-то слишком остро. А рядом была только Вика.

Промаявшись немного, пытаясь найти чем заняться, Лиска вдруг вспомнила, что хотела найти брошь.

Она поднялась со стула, но тут ноги подломились, и она грохнулась на пол.

– Зараза! – в сердцах выкрикнула Лиска и боязливо оглянулась. Хорошо, что родители ее не слышали.

Собравшись с силами, Лиска поднялась. Голова гудела больше прежнего. Будто внутри что-то подвывало. А потом оно принялось стучать по полой огромной трубе камнем, вызывая эхо. Что-то скрежетало, билось вдалеке.

– Да что это со мной? – внутренний голос звучал приглушенно, как в тумане.

Звуки чередовались местами, иногда замирали до звенящего молчания, а иногда били в набат. Чудилось, что доски пола скрипели как-то слишком сильно. Словно вот-вот обвалятся. Звук сменился хрустом и жужжанием. С каждым шагом хруст раздавался сильнее, кто-то невидимый пищал, раздавленный ботинком.

Дом то наполнялся неведомым созвучием, то наоборот замолкал. То звучала далекая музыка, то хрипло каркали птицы. Постепенно все сошло на нет. Лиска пару раз хлопнула ладошками. Звук гулко распространился по комнате.

– Поиграем? – раздался шепот над ухом.

– А-а-а! – заорала Лиска, отпрыгнув к стене и прислонившись к ней спиной, – к-кто тут? Вы-вых-выходи!

В ответ донесся едва различимый смех.

– Мне все чудится.

Губы уже дрожали от страха, а сердце бешено колотилось. Внутри свернулась змея тревоги и ужалила в живот. Лиска скривилась от боли, боясь сделать шаг.

Наваждение сошло также внезапно, как и наступило. Голова почти не гудела, а мимолетное чувство ужаса медленно растворялось. Мама права – это переутомление. Нужно отдохнуть. Почитать, поискать брошь.

Прошло еще минут пять и Лиска окончательно пришла в себя. Она не понимала, как еще недавно готова была бежать прочь без оглядки, как хотела забиться в уголок, лишь бы не слышать голоса. Тревога-змея уползла в нору, на улице выглянуло солнце, приветливо заглядывая в окно.

– Я плохо спала, – сказала сама себе Лиска и искренне постаралась поверить, – нужно найти брошку.

Лиска чувствовала, что нужно занять себя делом. Отец всегда говорил – если занимаешься чем-то полезным и нужным, то всякая дурь не лезет в голову. Она отлипла от стены и открыла ближайший шкаф.

– Кажется, я положила ее сюда, – прошептала она под нос, пытаясь припомнить, куда дела брошь после того как получила нагоняй от родителей.

Брошь Лиска так и не нашла. Возможно, родители выбросили безделицу в тот же день. Настроение упало окончательно, вернулась слабость и головная боль. Лиска вышла на улицу, обошла дом и взгромоздилась на большой камень. Мысли медленно текли вслед за рябью на реке. Лиска прокручивала в голове слова, выстраивая их по алфавиту. Потом в столбик. Слева направо. Лиска чувствовала незримую букву «и», как в стихотворении: А и Б сидели на трубе. Буква, символ, событие, знак. Неважно, оно должно было связывать все воедино.

– Привет! – улыбнулась Лена, выходя из травы. Она сняла капюшон кофты, подставляя лицо лучам солнца. Но тут она увидела бледную подругу и спросила с волнением в голосе, – что с тобой? Ты больна?

– Я? – Лиска оторвалась от рассуждения. Она почти выстроила тропинку к таинственной букве, – да, немного.

Голову пронзило жужжание. Будто внутрь залетела оса и принялась бешено биться о стенки черепа. Лиска охнула, слишком резко шагнула в сторону. Оступилась и грохнулась на землю.

– Боже, Лиска, – Лена подбежала к подруге и помогла ей подняться, – сильно ударилась?

В уголках глаз сверкнули слезы. Лиске было неудобно и стыдно. Лена помогла ей подняться и участливо погладила по руке:

– Ну-ну, сейчас все пройдет.

Никто и никогда... почти никогда не проявлял подобную заботу. Повинуясь какому-то сиюминутному странному порыву Лиска обняла Лену. И тут же отпрянула. Но подруга, кажется, совсем не удивилась подобной реакции. Наоборот, ободряюще улыбнулась. Она нагнулась и подняла с земли Вику. Впервые за долго время Лиска напрочь забыла о кукле. Это было странно, непривычно и... приятно. Неужели то, о чем она мечтала начало сбываться? Голова прошла как по мановению волшебной палочки.

– Ты принимаешь лекарства?

– Я... со мной столько странного произошло.

Лиска вкратце пересказала все, что помнила.

– Лена... я тут подумала... вдруг все это связано со мной?

– Почему?

– Все началось, когда мы переехали. Только я видела призрака, я нашла голову и брошь.

– Да, но следы то я тоже видела, – напомнила Лена.

– Мне страшно по ночам, – шепотом призналась Лиска, косясь на дом, словно тот подслушивал.

– Еще бы. Но мы вместе разгадаем эту загадку, – Лена подмигнула.

– Ты не понимаешь! – слово «вместе» было приятным, но тревога снова поднимала голову, – мне нравилось, что мы играем в охотников за привидениями. Я думала, что шепот и скрип – все, что нас ждет. Силуэт в окне, следы... я могла бы поверить, что все от усталости. Из-за переезда. Я нервничаю, вот и видится всякое. Но пыль и голоса! Я не могу объяснить их! Они издевались надо мной. Будто рядом стоял кто-то, наблюдал за мной и смеялся. Что если голоса вернуться? Сегодня или завтра? Вдруг я снова столкнусь с пылью? Вдруг она утащит меня в свое логово или убьет или... я не знаю!

Лиска выдохнула. Наболевшие страхи вышли наружу вместе с остатками сил. Она прислонилась к камню и обняла Вику.

– И что ты хочешь сделать? Уехать отсюда?

– Если бы, – невесело усмехнулась Лиска, – я не могу рассказать родителям. Они снова заставят принимать таблетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.